

УДК 342

***ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ
С ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНОВ
(ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)***

Упоров И.В.*д.и.н., к.ю.н., профессор**Краснодарский университет МВД России**Краснодар, Россия*

Аннотация: Начиная с XVI в. Московское государство стало активно приращивать новыми территориями, сравнительно быстро трансформируясь в Российскую империю, в которой были объединены много народов (этносов), проживающих в регионах, которые с самого начала заметно отличались по уровню социально-экономического развития. При этом нужно иметь в виду, что для освоения новых территорий российская власть направляла туда соответствующих чиновников, разного рода специалистов с целью освоения новых территорий, в том числе установления правопорядка, налаживания системы налогообложения и т.д., для государства, предпринимателей и иных лиц новые территории, особенно сибирские, были привлекательны с экономической точки зрения. Указанные и другие факторы активизировали внутренние миграционные потоки. Этот процесс, продолжаемый до сих пор, имеет противоречивый характер. В статье рассматриваются особенности внутренней миграции в России в историческом разрезе. Выявляются основные тенденции переселения людей из одного региона в другой, включая не только Российскую империю, но также советское государство, затронуто также положение в постсоветской России.

Ключевые слова: внутренняя миграция, Московское государство, Россия, Сибирь, Дальний Восток, миграция, экономический фактор.

***INTERNAL MIGRATION IN RUSSIA IN INTERCONNECTION
WITH THE TERRITORIAL DEVELOPMENT OF REGIONS
(HISTORICAL ASPECT)***

Uporov I.V.

Doctor of History, Ph.D., Professor

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Krasnodar, Russia

Abstract: Beginning in the 16th century, the Moscow state began to actively expand with new territories, relatively quickly transforming into the Russian Empire, which united many peoples (ethnic groups) living in territories that from the very beginning differed significantly in terms of their level of socio-economic development. It should be borne in mind that in order to develop new territories, the Russian government sent there the appropriate officials, various specialists for the purpose of developing new territories, including establishing law and order, setting up a tax system, etc. For the state, entrepreneurs and other persons, new territories, especially Siberian ones, were attractive from an economic point of view. These and other factors activated internal migration flows. This process, which continues to this day, has a contradictory nature. The article examines the features of internal migration in Russia in historical terms. The main trends of resettlement of people from one region to another are revealed, including not only the Russian Empire, but also the Soviet state, the situation in post-Soviet Russia is also touched upon.

Key words: internal migration, Moscow state, Russia, Siberia, Far East, migration, economic factor.

В результате активных приращений новых территорий, Россия середине XIX в. обрела максимальную за всю историю площадь государства (23 700 000 кв. км). Расширение территории за счет обширных и малообжитых земель Сибири и Дальнего Востока осуществлялось посредством в целом мирной колони-

зации (за некоторым исключением), когда проживавшие там коренные и иные народы и народности в силу своего уровня социально-политического развития вполне спокойно воспринимали факт вхождения в российское государство на подчиненных началах. Следует заметить, что новые территории для российского государства имели как определенные преимущества, так и создавали свои сложности. Так, зауральские пространства богаты природными ресурсами, а само по себе расширение территории также способствовало повышению уровня безопасности государства от возможной внешней опасности с восточных рубежей. Но, с другой стороны появлялись проблемы, которые, в отличие от приобретаемых преимуществ, осознавались не сразу, проявлялись медленно, растягиваясь по времени на десятилетия, а по отдельным проблемам и на столетия.

Так, с увеличением расстояний от границ до границ значительно осложнялось управление государством из единого центра – Санкт-Петербурга. Наглядно это проявилось в случае с американской Аляской. Эту территорию Северной Америки русские переселенцы стали осваивать с середины XVIII в., преследуя прежде всего экономические цели, затем с рубежа 1800 г. Аляска управлялась Русско-американской компанией и считалась вновь приобретенной территорией Российской империи. Однако в 1867 г. Аляска была продана США, при обосновании этого решения российских властей как раз и говорилось о том, что отдаленность этой территории не позволяет обеспечить ее защищенность и дальнейшее освоение. Так, В.В. Корнеев отмечает в этой связи следующие более конкретные обстоятельства, не позволившие российскому правительству оставить Аляску в своем владении: «В первую очередь это значительно низкий, по сравнению с центром, уровень развития экономики и культурная отсталость коренных народов. Во-вторых, малочисленность находящегося там русского населения, не способного по этой причине стать основой для тесной интеграции с Россией. В-третьих, значительная удаленность присоединенных земель от основных транспортных потоков и центральных регионов империи ... это решение отвечало национальным и стратегическим интересам России, на которое

в немалой степени, видимо, повлияли неутешительные итоги управления другими окраинами империи» [1, с. 131]. Пример с Аляской показывает и другую глобальную проблему в этом контексте – суть ее в таких внутренних миграционных процессах, которые определяют весьма негативные последствия для социально-экономического развития страны; и такие миграционные процессы имели и имеют место до сих пор (и в последнее время особенно).

Дело в том, что для освоения огромных территорий российскому государству приходилось направлять в Сибирь и на Дальний Восток (именно эти территории, будучи малозаселенными, составили основу территориального прироста Российской империи) множество людей из центральной части империи, то есть, из ядра российского государства (бывшей Московии), в том числе специалистов (инженеров, врачей, военнослужащих, учителей, железнодорожников и т.д.). Помимо этого, туда направлялись огромные финансовые средства – ведь те же полезные ископаемые нужно было добывать, а для этого требовалось строить шахты, рудники и т.д. Между тем рабочей силы в отдаленных районах всегда не хватало, и не зря на тех же рудниках, заводах активно задействовались осужденные преступники, и прежде всего каторжники (этот процесс активно стал развиваться еще при Петре Великом). Не забудем также, что представители коренных народов и народностей, будучи поданными Российской империи, нуждались в социальной защите, опеке со стороны государства, и на это также уходило немало средств.

В этом же контексте можно указать на столыпинские реформы, предусматривавшие перемещение значительного числа крестьянских семей в Сибирь. В результате такой внутренней межрегиональной миграции российским властям удалось установить в Сибири и на Дальнем Востоке общероссийский образ жизни, включая христианизацию, распространение русского языка, русской культуры и т.д. [2]. Российский премьер-министр С.Ю. Витте (начало XX в.) придавал большое значение освоению Сибири и Дальнего Востока, связывая с этим не только экономические, но и политические выгоды, полагая, что русские

переселенцы будут надежным щитом в «неминуемой борьбе с желтой расой» [3, л. 8], а иначе, писал он, «вновь придется посылать войска из Европейской России, и опять на оскудевший центр ляжет необходимость принять на себя всю тяжесть борьбы за окраины» [3, л. 9]. Однако при такой миграционной политике с неизбежностью ослабевала центрально европейская часть России.

При этом тезис о том, что государство получало прибыль от освоения сибирских и дальневосточных земель и тем самым компенсировало свои затраты на их освоение, звучит, на наш взгляд, неубедительно, о чем может свидетельствовать относительно невысокий уровень жизни населения (сравнительно с развитыми странами Европы и Северной Америки). А те жители, которые перемещались в дальние края и оседали там, тем самым обрекали себя и свои потомства на постоянное жительство на чужой для них земле; но тогда этот вопрос (своя или не своя земля) не вставал, ибо не было и речи о возможных территориальных изменениях. Эти изменения наступили уже в 1917 г. в результате февральской и октябрьских революций и первой мировой войны.

Россия тогда потеряла часть западных и, заметим, весьма обжитых и развитых территорий (прежде всего это Финляндия и Польша), соответственно европейская Россия еще больше ослабла, и для дальнейшего освоения Сибири и Дальнего Востока требовались больше ресурсов черпать из той же европейкой России. Другое дело, что советская власть сумела посредством жесткой административно-командной системы, с применением ГУЛАГа, не без использования генеральной идеи построения социализма как справедливого общества, наладить целенаправленную миграцию и направить на Сибирь и Дальний Восток огромные средства.

А начиная с 1950-х гг., это процесс был заметно активизирован, там в большом количестве строились новые города и предприятия, люди чувствовали перспективу и ощущали себя единым общим советским народом. Однако все кардинально стало меняться после распада СССР в 1991 г., когда стало окончательно ясно, что идея социализма (коммунизма) не выдержала испытания

временем. Союзные республики бывшего СССР «разбежались» в разные стороны, предпочтя статус самостоятельных государств. Территория России сократилась до 17 098 246 кв. км. И вновь были отделены, большей частью, наиболее обжитые и развитые территории (страны Прибалтики, Белоруссия, Украина, Грузия и др.). И тем самым развитие Сибири и Дальнего Востока в своем основном объеме (за минусом территорий, отошедших к Казахстану) легло на плечи изрядно поредевшей европейской части России. К этому нужно добавить, что переход российской экономики на рыночные отношения в начале 1990-х гг. свёл на нет усилия предшествовавшей государственной экономики СССР по управлению регионами. Тогда, в СССР, в целях развития территорий, осуществлялось бюджетное финансирование при строительстве соответствующих объектов, прокладки железнодорожных, автомобильных и водных путей сообщения и государство стимулировало переезд туда граждан высокими заработками («длинным рублём»), т.н. «подъёмными» денежными средствами, профессиональными и карьерными перспективами, предоставлением жилья, льготным исчислением трудового стажа и т.д.

Это была экономическая стратегия, которая не могла дать немедленного эффекта при столь грандиозных пространственных и производственных масштабах освоение новых территорий, она рассчитывалась на десятилетия. Но после распада СССР вся эта система была разрушена, предприятия в условиях жёсткого капитализма и не без участия конкурентов из-за рубежа стали закрываться, началось массовое увольнение работников и последующий отток населения. Следствием такой политики стала односторонняя миграция жителей Сибири и Дальнего Востока в европейскую часть России. При этом территории, откуда уезжают мигранты, продолжают деградировать, и уже не удивляют картины брошенных «хрущёвок», каркасы и стены некогда активно работающих, а ныне разрушающихся шахт и других предприятий (например, в Воркуте), в которые когда-то были вложены огромные государственные средства. Соразмерных с СССР мер стимулирования граждан ехать в отдаленные районы страны

нынешнее российское государство пока создать не смогло, в том числе не решает проблемы и широко разрекламированный бесплатный гектар дальневосточной земли.

При этом речь идёт прежде всего о такой причине миграции, как желание людей изменить постоянное место жительства, и именно этот вид внутренней миграции, на наш взгляд, является, наиболее проблемным, причём, ситуация настолько остра, что нашла отражение даже в Концепции общественной безопасности Российской Федерации (от 14 ноября 2013 г., утверждена Президентом РФ), где, в частности, указывается, что «неблагоприятные тенденции наблюдаются во внутренней миграции, основным вектором которой остаётся переселение мигрантов с Востока страны в Центр, в том числе в Московский регион, в результате чего не только усиливается дисбаланс в распределении населения по территории Российской Федерации, но и растёт социальная напряжённость в обществе, способствующая возникновению ксенофобии, национальной, расовой и религиозной розни, а также увеличивается количество этнических организованных преступных групп» [4]. Однако, несмотря на столь серьёзные сигналы, пока не наблюдается решительных и энергичных мер со стороны государственных органов по улучшению положения.

Так, по данным Росстата (официальный сайт), только в 2015 г. из регионов только Сибирского и Дальневосточного федеральных округов выбыло 923 тысячи жителей при общей численности этих федеральных округов 25,5 млн человек. В литературе отмечается, что «более 130 лет – с 1860-х вплоть до 1991 года – население Дальнего Востока постоянно увеличивалось, за исключением первых лет Великой Отечественной войны. Росло население за счёт миграции из разных регионов страны – молдаван, украинцев, узбеков и т. д. Приезжало всегда больше народа, а уезжало всегда меньше ... Но с 1991 года начался бурный отток населения» [5]. И этот отток продолжается.

Анализируя эти миграционные процессы (заметим – еще не оконченные, а продолжающиеся, хотя и в уменьшенных темпах), Ж.А. Зайончковская отме-

чает, что они уже привели к определенной дезинтеграции российского общества, в частности, речь идет том, что Россия «четко» поделилась на две части, одна из которых – отдающая (северо-восточная часть), а вторая – принимающая часть (юго-западная) [6, с. 13]. Анализируя эти факторы, С.Н. Климов и А.Н. Сетин отмечают, что они «создают предпосылки, ведущие к демографическому старению, обезлюдиванию огромных территорий, способствуя образованию геополитических вызовов и угроз современной России» [7, с.112].

Такое положение создает сложности для обеих указанных частей, поскольку, например, в урбанистическом развитии городов и других населенных пунктов возникают перекосы. С одной стороны, моногорода пустеют, и городская инфраструктура с неизбежностью разрушается. Автору приходилось наблюдать в упомянутой выше Воркуте множество брошенных 5-ти и 9-ти этажных жилых домов, эти остовы с черными оконными проемами не сносятся и стоят наряду с еще заселенными, в том числе не полностью, многоквартирными домами. А если ехать по известному воркутинскому кольцу, то с обеих стороны дороги один за другим встречаются поселки-призраки, где уже давно никто не живет, а также расположенные возле поселков уже закрытые и полуразрушенные шахты-призраки, где уже давно никто не работает. В другой части, напротив, наблюдается переселение. Возьмем для примера город Краснодар. Здесь численность населения в последнее время стремительно увеличивается – разумеется, в основном за счет мигрантов из-за Урала, и если в 2008 г. в Краснодаре проживали 709 тысяч человек, то сейчас, на начало 2024 г., по данным Краснодарстата - 1 млн 240 тысяч человек [8].

Этот перекося приводит к тому, что полным ходом строятся 20-25-ти этажные многоквартирные дома без надлежащего сопровождения объектами соцкультбыта (школы, детсады, поликлиники, дома культуры, стадионы и т.д.). О какой социальной интеграции тут можно говорить? Ведь для того, чтобы жители Краснодара сформировали более или менее устойчивую городскую общину из людей разного образа жизни, разных культур, чтобы сформировались

понятные и необходимые всем горожанам городские интересы, потребуется не то что не один год - не одно десятилетие! Но самое главное в данном случае в том, что указанные миграционные процессы приводят к созданию мега-конгломераций (Москва-Московская область, Санкт-Петербург-Ленинградская область, Воронеж, Ростов-на-Дону, Краснодар и др., где наблюдается все бóльшая и бóльшая концентрация населения при одновременном обезлюдивании уже не только дальних восточных районов, но и периферийных поселений европейской части России. По-прежнему территория России преимущественно застраивается крупными городскими мегаполисами – как будто в стране дефицит земли, как, например, в Сингапуре, в то время как земли-то для строительства комфортного 4-6-ти этажного в России более чем достаточно.

Далее обратимся к вопросу об экономическом неравенстве субъектов Федерации (при формальном политическом равенстве), который имеет тенденцию к обострению. Например, по состоянию на начало 2019 г. количество жителей, имеющих доходы ниже прожиточного минимума, составляло: в ЯНАО - 6,5%, Татарстане - 7,4%, Санкт-Петербурге - 7,5%, Московской области - 7,9%, в Москве – 8,3%. А на другом полюсе, в Республике Тыва - 40,5%. Сложная ситуация также и в ряде других субъектов Федерации (в Ингушетии - 32,0%, в Калмыкия - 27,3%, Еврейской автономной области - 24,9%) [9], и в целом в большинстве регионов положение ненамного лучше. Аналогичным образом обстоит дело и по многим другим экономическим параметрам. Приведем еще один весьма показательный параметр - из всех субъектов Федерации только 13 являются регионами-донорами, то есть не получающими дотации из федерального бюджета [10], соответственно остальные получают, а это уже один из признаков несостоятельности получателей таких дотаций. В литературе приводятся и такие сведения: «в 2022 г. среди федеральных округов предсказуемо наиболее высокий среднемесячный показатель заработной платы был зафиксирован в Центральном федеральном округе (ЦФО) - 81 381 рубль, а самый низкий - в Северо-Кавказском - 37 361 рубль. При этом в рамках отдельных

округов мы также наблюдаем глубочайшее неравенство. В частности, в ЦФО при среднемесячной заработной плате москвича в 122 824 рубля аналогичный доход жителя Ивановской области составлял всего 36 332 рубля» [11, с. 56]. Ситуацию усугубляет последствия строго централизованной экономики СССР, связанные с тем, что в начале 1990-х гг., после разрушения такой экономической структуры, субъекты Федерации имели неравные стартовые позиции.

Следует назвать также углубляющуюся имущественную стратификацию граждан России. На этот счет имеется немало публикаций (в числе авторов Л.А. Беляева, М.К. Горшков, В.И. Добренёв, Т.И. Заславская, Г.С. Корепанов, Г.Ф. Куцев, Н.И. Лапин, Т.П. Некрасова, Ю.М. Пасовец, У.В. Юманова, Н.А. Сандрюков и др.), в большинстве которых естественная стратификация по этому признаку в России приобретает характер, при котором «уровень доходов не может стимулировать трудовую и деловую активность основной массы экономически активного общества» [11, с. 26].

В целом массовое перемещение мигрантов внутри страны пока остаётся без должного стратегического регулирования. Такое положение, когда одна часть страны все более и более обезлюдивается, а другая, напротив, перенасыщается людьми, приводит к негативным последствиям в обеих частях. Переселение при отсутствии объектов соцкультбыта создаёт условия роста преступности, наркомании, создаёт проблемы безработицы, экологии и др. Отсутствие людей делает территорию во многом незащищённой от внешнего фактора, возникают предпосылки для угрозы целостности государства. В этой же связи отметим и то обстоятельство, что для большинства россиян, оказавшихся когда-то на постоянном месте жительства в Сибири и на Дальнем Востоке, эти земли так и не стали настоящей родиной – ведь спустя несколько веков-поколений после первых русских переселенцев выяснилось, что для многих русских людей настоящая родина – это все-таки европейская часть России, и именно туда, на «материк», направлены по-прежнему основные потоки внутренней миграции. В результате искривляются некогда считавшиеся незыблемыми ценности в жизни

российского общества. Это очень серьезное испытание для россиян – ведь нужно давать ответы на сложные вопросы, в том числе о том, какими должны быть сибирский и дальневосточный регионы. И в этом контексте следует в экстренном порядке принимать меры, чтобы остановить разрушительный для России миграционный поток с востока нашей страны на ее западную часть.

Библиографический список

1. Корнеев В.В. Продажа Аляски в ретроспективе российской политики на национальных окраинах империи в XIX – начале XX вв. // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. Серия: «Общественные науки». 2018. № 2 (800). С. 127-135.

2. Экарева И.Л. Из истории колониционной политики Российской империи // Вестник Тамбовского ун-та. Серия: «Гуманитарные науки». 2008. № 5 (61). С. 410-415.

3. РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 267. Л. 8-9.

4. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 N Пр-2685) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14. 06. 2024).

5. Как вернуть население на Дальний Восток // Взгляд. Деловая газета. Публикация 10.09.2028 / <https://vz.ru/economy/2018/9/10/941161.html> (дата обращения: 16.05.2024).

6. Миграция в современной России // Миграция в России, 2000-2012: Хрестоматия: В 3 т. Т. 1. Ч. 1 / Отв. ред. Зайончковская Ж. А. М.: Спецкнига, 2013. 878 с.

7. Климов С.Н., Сетин А.Н. Внутренняя миграция: специфика проявления в России // Современные философские исследования. 2023. № 4. С. 103-112.

8. Население Краснодар перевавило за 1,2 млн человек – Краснодарстат // Сайт СМИ "Прима-медиа", публикация от 31.05.2024) / <https://primamedia.ru/news/1761085/> (дата обращения: 30.08. 2024).

9. Экономическое здоровье российских регионов: текущий уровень и динамика изменений // Региональные финансы. 12.02. 2019 // Режим доступа: https://raexpert.ru/researches/regions/rif_2019 (дата обращения: 18.05. 2024).

10. Регионы доноры и регионы реципиенты в России - 2024 // Сайт СМИ "Планета права", публикация от 19.01.2024 / <https://kantavape.ru/koap/7465-regiony-donory-i-regiony-recipienty-rf-2024.html> (дата обращения: 15.08.2024).

11. Деханова Н.Г., Сушко В.А., Холоденко Ю.А. Внутренняя миграция как следствие региональной дифференциации в современной России // Теория и практика общественного развития. 2023. № 7. С. 48-57.

Оригинальность 86%